

Публичная теология отца Кирилла Говоруна

Рецензия на книгу: Архимандрит Кирило (Говорун). Українська публічна теологія. — Київ: Відкритий Православний Університет Святої Софії-Премудрості, ДУХ І ЛІТЕРА, 2017. — 144 с.

Небольшая по объему книга отца Кирилла Говоруна стала важным интеллектуальным событием для постсоветского пространства. Автор представляет Церковь Московского Патриархата, при этом преподает в лучших университетах мира и откровенно высказывает поддержку независимости Украины и украинского Православия от российского влияния.

Его книга — это заявка на Реформацию в Православии, первый серьезный звонок, возвещающий о серьезных переменах в отношении Церкви и постсоветского общества.

Для того, чтобы осмыслить возможности публичной теологии в постсоветском православном контексте, автор привлекает западные интеллектуальные ресурсы — цитирует Мирослава Вольфа, ссылается на Карла Барта и Дитриха Бонхоффера, Юргена Мольмана и Райнхольда Нибура. Очевидно, что протестантизм и его социальное-политическое богословие представляется важным собеседником, в общении с которым балансируются многие православные крайности.

Книга православного богослова задает вполне евангельски-протестантский вопрос: если мы и в самом деле исповедуем, что «Христос — Господь

всего, у том числе и политики» (113), то что это значит для нас как граждан? Отвечая на него, Кирилл Говорун представляет прежде всего свой личный опыт православия, в том числе политического православия и его преодоления. Для критического осмысления местного опыта он считает важным импульс Майдана, после которого отношения с обществом изменились бесповоротно.

В своих размышлениях он предлагает не только религиозное осмысление болезней постсоветского общества — коррупции, патернализма, имитационности, манипулятивности, подавленной личности; не только богословское осмысление местных общественных событий и проблем; но и более масштабное осмысление уникального украинского опыта как урока для западного богословия. По его мнению, «рождение аутентичной украинской публичной теологии, в центре которой — Майдан» (106) способно «сгенерировать некоторые глобальные тренды» (28).

Его акцент на инаковости церкви, на ее отношениях с обществом, а не государством; последовательная деконструкция «симфонии» между церковью и государством как утопии; основательная критика религиозных

основ идеологии «русского мира» могут иметь близкие аналогии для отношений Церкви, общества и государства в Европе и Северной Америке.

Впрочем, сам автор глобальных обобщений не делает, его интересует особый контекст, особый локус и особый процесс — рождение публичной теологии в украинском и несколько шире — постсоветском — контексте.

Причем публичная теология рассматривается отдельно от политической, поскольку «первая изучает отношения Церкви с обществом, а вторая — с государством» (6).

Соответственно, автор изучает возможности влияния без принуждения — учит Церковь говорить, а не заставлять; служить обществу, а не властвовать над ним.

И здесь он сталкивается с собственной, родной традицией РПЦ, в которой «идеология «русского мира» присваивает традицию православного христианства, но, по сути, вступает в противоречие с христианской истиной» (124). Можно лишь представить какую личную боль доставляет автору эта инструментализация и политизация древней христианской традиции. Но через эту боль приходит также исцеление и новое, освобождающее видение для Церкви, которая должна начать с себя, и затем послужить освобождению общества: «Постсоветские церкви должны стать «школами свободы», которые будут учить граждан, как реализовать ее ответственным образом, который ведет к установлению доверия и общей цели в жизни гражданского общества» (125).

В целом, автор следует в рамках постсекулярного дискурса, рассматривая Церковь как ключевого партнера гражданского общества, свободного от слишком тесных связей с государством, и свободного от сосредоточен-

ности на себе. По его мнению, гражданское общество Майдана осудило не только насилие со стороны государства, оно осудило насилие во всех его формах, исключило его в принципе. И это требует переориентации Церкви с языка власти, авторитета и силы на язык свидетельства и сострадания: «Осуждение принуждения одновременно в богословии и на уровне здравого смысла помогло Церкви вновь найти характерный для нее способ обращения с верой: не принуждая людей, но разговаривая с ними...

Впрочем, как римское общество в свое время склонило позднеантичную Церковь к признанию инструментов принуждения, так современно общество помогло Церкви от них избавиться, обратившись к тем способам распространения веры, о которых говорится в Евангелии» (98).

Структура книги выстроена таким образом, что автор переходит от теоретических оснований и общих принципов к основным проблемам и задачам публичной теологии. Вначале он рассматривает **Основания политической теологии в украинском контексте** (по мысли автора, такая теология должна служить не только Церкви, но также «формированию гражданского общества, воспитанию ответственных граждан, противостоянию терроризму и сепаратизму, и наконец преодолению разделения украинского Православия» 30). Затем переходит к теме **Церковь и публичное пространство**.

Здесь он высказывает очень даже протестантский тезис, что «Церковь теряет свою идентичность в публичном пространстве, когда становится экклесиоцентричной... Она теряется в объятиях государства, или растворяется в общественных трендах» (с. 39), а также анализирует различные дисфункции Церкви в отношении к об-

шеству, среди них — гражданская религия на примере США, политическая религия на примере тоталитарных движений, нацизма и коммунизма, и идеология «русского мира».

От этих дисфункций Говорун переходит к анализу темы **Церковь и государство**, в котором разоблачает модель «симфонии» как якобы «онтологической категории, которая характеризует природу Церкви», в то время как даже «сами авторы этих умозрительных конструкций хорошо осознают, что подгоняют византийское прошлое к своим текущим политическим нуждам» (49).

В разделе **Церковь и свобода** автор прямо заявляет о неприятии любого рода принуждения к вере. Для него «принуждение является функцией свойственной государству и не свойственной Церкви» (84). А в разделе **Церковь и человек** он ищет срединный путь между негативной и чрезмерно позитивной антропологией. Здесь он ссылается на богословие Максима Исповедника, подвергает сомнению необходимость иерархического видения мира, ловко уходит от традиционных споров о природе человека и фокусируется на личностной стороне вопроса: «Лишь то, как человек мыслит и принимает решения, может быть проблемой человеческой природы, а не природа сама по себе» (105).

В разделе **Церковь и Майдан** он повторяет и подтверждает свой оптимистический тезис, высказанный относительно этого судьбоносного события еще в декабре 2013 года на авторской страничке в Фейсбуке и ставший манифестом «теологии Майдана»: «независимо от дальнейшего развития Майдан изменил страну, общество, и изменил отношения украинских Церквей и украинского общества» (107).

Раздел **Церковь и кризис** звучит как предупреждение всякой Церкви, которая стремится стать «близким партнером режима» и игнорирует вопросы и нужды гражданского общества. После неизбежной смены режима такая Церковь, будет ассоциироваться с его преступлениями и утратит доверие людей (119).

Последняя глава **Церковь и примирение** посвящена поиску «объединяющей формулы для общества, в котором могли бы сосуществовать жертвы режима и его активные деятели» (130).

При том, что книга составлена на основе ранее написанных текстов, она воспринимается как цельная. В ней есть сильные сквозные идеи и общее оптимистическое настроение относительно развития Церкви и общества после Майдана.

Однако со дней Майдана изменилось многое, и настроение автора — это настроение меньшинства. Интересно, что бы написал автор сегодня, зная о позиции большинства украинцев во время президентских и парламентских выборов 2019 года, когда они отмежевались от христианских ценностей Майдана ради ценностей «холодильника» и «телевизора»? Что бы сказал наш автор, наблюдая новый спад в развитии того самого гражданского общества, которое еще вчера опережало Церковь? Как бы он скорректировал свои тезисы, наблюдая за неудачами и конфликтами, сопутствующими становлению Православной Церкви Украины? Остается надеяться, что книга отца Кирилла Говоруна — не только памятник надеждам постмайданной Украины, но и пророческий голос относительно церковного будущего.

*Михаил Черенков,
Миссия Евразия, Киев, Украина*